

Четыре болезни языка

Социолог и философ О. Р.-Хюсси в своей работе "Язык рода человеческого" рассмотрел язык как форму определяющую социальную жизнь людей. В основе языка он полагал четыре утвердительных начала, своеобразных четыре потока, в перекрестье которых находится человек. Если они соразмерны и полноценны, то человек, как личность вполне гармоничен, целостен, - отсюда и сообщество из таких личностей будет мирным и согласованным. Если мы имеем нехватку, то она проявляется как болезнь языка и ведет к различным проблемам в обществе. Нехватку языка можно рассмотреть как социально-политический феномен. Обычно причину социальных неурядиц ищут где угодно - в экономике, политике, - до языка дело не доходит. Розеншток-Хюсси показывает насколько глубока связь социальных явлений с материей языка, язык не просто один из инструментов разумного существования, но главная причина всего, что случается с людьми, как хорошего, так и плохого. *"Язык направлен на то, чтобы заключать мир, оказывать доверие, почитать стариков и делать свободным следующее поколение. Языковые формы должны служить этим целям, поскольку без них любой человеческий язык разрушается. Это воистину так с тех пор, как тысячи лет назад началась человеческая история. Сила языка действовала всегда"*.

Крест языка имеет свое онтологическое и гносеологическое обоснование в родо-видовой определенности и отличности, но нас в данном случае интересует социальная сторона четырех "да", выражающих корневой смысл языка и определяющих базовые мотивы человека. Четыре потока "да" создает язык и затем поддерживает их жизнь. Каждый поток определяет соответствующую мотивацию жизни и, согласно ей, особо сплачивает группу. Неверным будет видеть в языке только две стороны, рассматривать его высказывания только согласно двузначной логике "истины-лжи". Двухзначная логика порождает неразрешимые дихотомии в обществе. Уяснив же четырехзначный смысл языка, можно критерияльно разрешать и все проблемы, возникающие на путях его.

Все четыре аспекта сопрягаются с опасностями особого рода. Нехватка утвердительности в каждом аспекте приводит к неудаче. **Война, революция, вырождение и кризис** - имена

этих неудач. Различия между четырьмя функциями языка не произвольно субъективны, но соответствует сущностной структуре мышления. Нарушение этой структуры делает человека неадекватным применительно к ситуации межличностного общения.

Сначала рассмотрим войну и революцию. Когда два сообщества находятся близко и их языки, а значит и жизненные смыслы различны, то можно сказать, что между ними молчание и равнодушие. Когда их интересы пересекаются, или когда молчание становится невыносимым, какое-то сообщество первым подает голос. Что в нем? Возможно приглашение к формированию общего языка, возможно - вызов противнику. Возможно два сообщества были в истории одним, но возник сословный раскол интересов. Одна сторона, скажем, хочет овладеть ресурсами другой стороны. Если обе стороны жизнеутвердительно, пребывают в благодущии самовластия, то они легко принимают друг друга как друга. Не то, если, хотя бы одна из сторон чувствует и сознает себя обделенной, - ей чего-то не хватает. Нехватка начинает войну. Планы каждой стороны должны быть в тайне, даже имена собственные. У всех городов пребывающих во враждебном окружении всегда были тайные имена (свои, подлинные), хранителями которых были особые жрецы (например, у Рима - Флора). Имя оберегалось как сокровенное. Война проводит резкую границу между двумя видами речи. Одна для своих, другая - чужакам. Война заканчивается, когда люди начинают разговаривать друг с другом. В противном случае война длится в скрытой форме, при отчетливом размежевании языкой. В настоящее время трудно даже представить "довоенное" равнодушие сторон, живущих своей жизнью и не нуждающихся друг в друге. Слишком близко люди друг другу на маленькой планете Земля. К тому же, война, уже проявление интереса к другой стороне, в этом она превосходит равнодушие. Война это не просто отсутствие или нарушение мира, но, прежде всего шаг навстречу друг другу. Жизнь предпочитает хотя бы страдание, только не равнодушие. В этом смысле - война животворит и в этом ее беспредельное очарование, даже для тех, кто стоит на стороне мира.

Революция также является разломом языка, но это отнюдь не разрыв между соседями в пространстве. Революция перестает прислушиваться к старому языку с его понятиями закона и порядка и создает новый язык из какофонии встречных интересов, задач, целей. Сначала язык ее неартикулирован, неопределен. Потому то, революция всегда "молода".

Энергия молодости ищет создать свой язык. Дикие вопли вскорости затихают и, на протяжении жизни одного поколения, складывается язык, которым будут с удовольствием пользоваться добропорядочные буржуа, далекие от каких-либо революций. Конфликт между старым артикулированным и новым неартикулированным приносит всяческие страдания. Дело не в "большевиках" и "меньшевиках", но в решительном разломе внутри языка, разломе высвобождающем энергию ярости и формы этой энергии резко противоречат артикулированным формам старого языка. Революция только размахивает флагами принципов и манифестов, но отнюдь не собирается их выполнять и здесь она совершенно безответственна. Отсюда - легкость овладения энергией революции всякими тиранами и деспотами, достаточно сосредоточенными на себе индивидами, чтобы заставить кружить революционные вихри вокруг собственной персоны.

Тирания останавливает революцию. У нее два лица, одно - со стороны самой революции, другое - контрреволюция, отстаивающая интересы старых порядков. Здесь же рождаются и самые разнообразные формы притворства. Все видят, что ситуация в корне изменилась, но с фальшивой настойчивостью продолжают апеллировать к старым понятиям. Тресты и монополии могут называть себя "свободными предприятиями", чудовищные формы авторитаризма называют себя "демократией". Задавленным государством крестьянам, предлагается "самоуправление", форма реакционного невежества будет называет себя "патриотизмом". Маленькие сообщества, которые как живительные родники могли бы питать общество в целом, иссякают. Детей приучают к подчинению и терпению. Демагогия и притворство приходят на смену **призванию**.

Война замещает свободный труд. Революция выпускает на волю чудовище искаженной тиранической власти с инструментами насилия - силовыми милитаризованными структурами и языком демагогии. Если общество "деревенеет" в сформированных новой "властью" клише, оно становится обществом вырождения. Третья болезнь языка здесь проявляется в том, что языку "молодежи", революционному по сути, перекрыты все пути. Неизвестное, "цветущая сложность бытия" (Бибихин) не может пробиться в сферу разговора. Геронтократия своей серьезностью венчает вырождающееся сообщество. Критическая точка здесь - повсеместная анархия и кризис во всех сферах жизни.

Розеншток-Хюсси приводит пример рабочего, который ищет, чтобы государство или кто-

то обеспечили его работой. На первый взгляд здесь нет языковой проблемы. Безработный страстно требует, чтобы ему сказали, что он должен делать. Запрос идет в деонтической модальности языка. Экономисты помещают ситуацию в свои схемы и не замечают настоятельности того факта, что безработный **требует чтобы с ним заговорили**. Общественный порядок нарушается, если немногим сообщается, приказывается, что же они должны делать. Полагая язык внешним выражением своих мыслей, идей, чувств, желаний, люди забывают, что язык - это в первую очередь есть отдавание приказа, слово повеления. Если родители пренебрегают таким словом, то они неизбежно подталкивают ребенка к области четвертой болезни языка, где никто не может и не способен определить источник действенного повеления. Одни притворяются, что они по должности "вправе" отдавать приказ, но в глубине души не уверены в этом, другие - подчиняются, чтобы в любой благоприятный момент "сбиться с курса". При тотальном засилии "властных" инстанций, источник отдающий приказ остается скрытым.

Когда нет приказа, начинается скука незанятых людей, ищущих повеление и не могущих его найти. Зачем же? Незанятые ищут некоторых прав, которые возможны только в случае выполнения повеления. Иначе они сознают себя бесправными. Если я рисую картинку, то не могу претендовать на то, чтобы получать деньги за них. Но если я получил задание делать рисунки за деньги, то я получаю право на некоторые притязания. Следовать предписаниям, значит "быть вправе", приобретать "права". Во время кризиса мы не находим никого, кто стремился бы дать нам распоряжение. Хотя, при этом, номинально может быть десятки тысяч разных "законов".

Кризис, в то же время, высвечивает тех немногих, в которых пробуждается изначальная сила речи. Они указывают направление и удостоверены в своих полномочиях властью языка, а не своими легальными должностями.

Полный список болезней языка:

"Война: человек не слушает того, что говорит враг. Революция: человек выкрикивает что-то неартикулированное. Вырождение: человек лицемерно повторяет старое. Кризис, анархия: никто не отдает приказаний". Глухота к врагу, немота к другу, нечувствительность к новым веяниям и глушение криками старой артикуляции - таковы признаки основных болезней языка. **1. Война — это глухота по отношению к мирному состоянию. 2. Революция — это призыв к новому порядку. 3. Декаданс — это**

господство фразы. 4. Кризис — это равнодушное отношение к отдаению приказаний.

Какие же утверждения языка перекрывает болезнь? Язык в обращении - это речь. Утвердительная речь императивна и двояко определена через артикуляцию и повторение. Речь сопровождается слушанием и пониманием, как результатом слушания. Если говорящий не слышит себя, что-либо утверждая, - он в состоянии войны с собой. Можно легко заметить, когда человек под впечатлением переживания что-то сообщает, - слушает ли он себя, либо ему достаточно ощущать и выражать свое переживание или какую-то мысль пришедшую в голову. Большая часть разговоров напрочь исключают слышание себя. Так теряется полноценность высказывания и создаются предпосылки войны.

Встречаясь с новыми фактами язык прибегает к традиционным выражениям (повторение), а новые выражения подбирает в случае, когда обозначает факты, до сих пор оставшиеся немymi, неопределенными (артикуляция). Встречаясь с новыми людьми язык обогащается через артикулированную речь. Каждый выводит другого из немоты, и так происходит наращивание общего языка. Уважение друг к другу создается способностью слушать друг друга, слыша, при этом и себя. Слушание и речь расширяют пространственную границу. Повторение и артикулирование расширяют временные границы - мы можем устанавливать отношения и с предками и с потомками. Во время войны изолируются люди, которые считают, что мы должны их слушать. При кризисе в сообщество не вписываются люди, которые считают, что мы должны с ними говорить (приказывать). Революцию смешит любая попытка использования старых форм приказывания. В вырождающемся обществе, приказы остаются без ответа и умирают. Общество остается без цели и направления и деградирует.

Неудачи языка это не только масштабные катастрофы с большим количеством людей, но и круг неудач в истории отдельного индивида. До тех пор, пока существуют препятствия в свободной циркуляции языка, человек терпит неудачи в осуществлении своих жизненных целей, его регулярно сотрясают спазматические напряжения, вбрасывающие его в области невроза или психоза. В одном случае напряжение идет извне, в другом - из внутренних глубин.

В условиях полноты силы именованного, мир перестает казаться чересчур маленьким или

чересчур большим, но выступает соразмерным пространством благополучного общежития, которое питает четырехкратное утверждение языка. Здесь мы смелы, надежны и достоверны, а не затеряны в море бедствий. И наше дыхание ровное. Четыре вида опасности мобилизуют человека, будучи осознанными, они подвигают его к использованию ресурса СМЕРТИ в четырех ее проявлениях: военной - как убийства без жалости, революционной - как забегание вперед без возврата, вырожденческой - как тления и распада, анархической - как отвержения всех и каждого без сострадания. Словно четыре воронки, что затягивают человека в его жизненном пути. Исток и начало языка можно достаточно строго уразуметь в четырех координатах его власти, которая преодолевает зло, губящее людей. Своей онтологической структурой язык формулирует четыре измерения политической воли в человеке.

"Язык, если он не хочет умереть, должен жить, двигаясь по четырем путям выздоровления. Это справедливо для наших дней и справедливо для всего времени существования человечества. Это — вневременная истина. Но она является таковой лишь потому, что язык учреждает времена".

Актуальность и необходимость анализа силы языка, применительно к реалиям жизни в России ни у кого не вызывает сомнения. Если мы в индивидуальном порядке сможем обнаружить четыре истока в себе, то становимся теми, кто отдает приказание. Приказание жить в мире. Приказание жить правильно, по законам разума. Не выполняющие приказ, становятся изгнанниками и многие беды поджидают их. Подлинное место языка там, где создается мир, доверие, - слаженность свободных волеизъявлений, саму основу человечности человека. Истинность языка не в его противостоянии "лжи" (врагу), но в четырех утверждениях его. С доверия к истине языка начинается исцеление общества. С произнесения Имени, вызывающего доверие народа, начинается история этого народа. Лингвисты, и семантики изучающие языки прошлого, совершенно беспомощны в мире, где зарождается доверие к Именам Собственным, произнесенным в настоящее время настоящими людьми.

Ойген Розеншток-Хюсси. Избранное: Язык рода человеческого. Пер. с нем. и англ. — М.; СПб: Университетская книга, 2000. 608